

Глава I

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Интересы великих держав в Османской империи к 1914 году

События 1918—1923 годов на Ближнем Востоке и в Малой Азии завершали длительный процесс разрешения так называемого Восточного вопроса, который представлял собой сложный комплекс международных проблем, вызванных постепенным упадком Османской империи и стремлением ряда великих держав Европы к контролю над ее территориями и ресурсами. Постоянными участниками этого процесса были Великобритания, Франция, Россия и Австро-Венгрия, к которым позже присоединились Германия и Италия. Все эти державы действовали, исходя из собственных долгосрочных интересов. Без ясного представления о характере этих интересов будет невозможно правильное понимание их действий. В особенности это относится к Великобритании и Франции, имевшим самый большой опыт ближневосточной политики и самые обширные интересы в этом регионе.

Отношения между Великобританией и Францией в контексте Восточного вопроса варьировались от активного (но не военного) противостояния, которое часто развивалось параллельно с разногласиями по другим вопросам, до тактического союза перед лицом третьих стран. Установление между ними в 1904 году «сердечного согласия» сопровождалось ликвидацией ряда взаимных претензий, в том числе и затрагивавших Восточный вопрос. С началом войны, когда Германия, Австро-Венгрия и сама Турция оказались во враждебном лагере, Великобритания и Франция сочли необходимым согласовать друг с другом и со своими союзниками планы будущего решения ближневосточных проблем. После войны политика этих двух держав стала играть главную роль на последнем этапе решения Восточного вопроса.

Согласно принятой в то время терминологии (особенно распространенной во Франции), интересы великих держав в Осман-

ской империи подразделялись на «материальные» (экономические, стратегические и правовые) и «моральные» (культурные и политические). Для удобства изложения мы также воспользуемся данной классификацией и рассмотрим оба эти комплекса.

«Материальные интересы»

Экономическое проникновение европейских стран в Османскую империю началось очень давно. Оно осуществлялось тремя путями: через займы турецкому правительству, через торговлю, а также через концессии на разработку полезных ископаемых, строительство железных дорог, портов, телеграфных линий и т. д.

К началу XX века финансы и экономика империи находились почти в полной зависимости от иностранного капитала. Османское правительство не могло контролировать свои доходы, значительная часть которых на основании так называемого Мухарремского (по названию месяца мусульманского календаря) декрета от 1881 года поступала в распоряжение Комиссии оттоманского государственного долга, в которую, наряду с турецким, входили английский, французский, итальянский, немецкий и австрийский представители. Администрация имела право взимать с населения многие налоги и пошлины под защитой турецкой жандармерии и полиции¹. Штат ее сотрудников насчитывал около 5000 человек.

Экономическое, политическое и культурное проникновение иностранных держав в Османскую империю облегчалось существованием особой системы юридических привилегий — «капитуляций». Она включала в себя ряд юридических и экономических гарантий по отношению к иностранным подданным. Самыми важными из них были неподсудность иностранцев турецким судам и установление фиксированного низкого таможенного тарифа на иностранные товары. Начало этой системы было заложено еще в XVI веке, но в XIX веке европейские державы добились превращения капитуляций из добровольного султанского пожалования в обязательные для Турции условия².

¹ Todorova C. Die finanzielle Abhängigkeit Griechlands, der Türkei, Serbiens und Bulgariens von den westeuropäischen Staaten bis zum ersten Weltkrieg // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1970. P. 13.

² См. подробнее: Bullard R. Large and Loving Priveleges. The Capitulations in the Middle East and North Africa. Glasgow, 1960.

Великобритания была одним из крупнейших инвесторов в турецкую экономику. Но особенностью ее экономических интересов в Турции была их значительная концентрация в сравнительно небольшом регионе Персидского залива, который всегда рассматривался в Лондоне как зона особых интересов Великобритании и важнейшее звено в цепи имперских коммуникаций на пути в Индию. В 1906 году Великобритания вместе с Индией держала в своих руках 79% торговли в районе залива, хотя чисто британская доля составляла только 28%. Судоходство в заливе в том же 1906 году на 85% находилось в руках британских и англо-индийских компаний. Судоходство по Тигру и Евфрату почти полностью контролировалось англичанами. С этим связано и значительное участие британского капитала в судостроительной и судоремонтной отраслях турецкой экономики.

Летом 1914 года, всего за несколько недель до начала войны, турецкое правительство согласилось предоставить концессию на добычу нефти в районе Мосула вновь созданной корпорации Turkish Petroleum Co, большинство акций которой принадлежало британским компаниям (Anglo-Persian Oil — 50%, Royal Dutch Shell — 25%), а 25% владел Deutsche Bank¹. Разумеется, из-за начавшейся войны никаких практических шагов к осуществлению этой концессии сделано не было.

В других частях империи владения английского капитала были невелики. Многие железные дороги Анатолии были построены на английские деньги, но затем проданы немецким и французским компаниям. Англичане оставили за собой только небольшую линию Смирна (Измир) — Айдын. Английским капиталом контролировалась Константинопольская телефонная компания, а также ряд судоходных, добывающих, инженерных, страховых и торговых предприятий. В 1911 году 22% турецкой внешней торговли приходилось на Великобританию. Однако в финансовой сфере английское проникновение было незначительным, и к 1914 году лишь 15% облигаций Османского государственного долга принадлежало английскому капиталу. Английские банки не вели активной деятельности в Турции. Лишь в районе Персидского

¹ Stanley E. War and the Private Investor // Chapter 6. — <http://history.cc.ukans.edu/~libsite/wwi-www/investor/Staley06.html>

залива действовало отделение Персидского имперского банка, подконтрольного английскому капиталу.

Интересы **Франции** в Османской империи имели совсем иной характер. Именно Франция являлась самым крупным кредитором Высокой Порты. Ей накануне войны принадлежало 65% Оттоманского государственного долга. Государственный банк империи — Оттоманский имперский банк, обслуживавший этот долг, являлся, по существу, совместным англо-французским предприятием, но так как 80% его акций принадлежало французскому капиталу, то и управлялся он фактически из Парижа. Кроме того, французы контролировали Салоникский банк, имевший отделения в Константинополе, Адрианополе (Эдирне), Смирне и Самсуне, в Турции также активно действовал крупнейший банк Франции *Credit Lyonnais*.

Французский капитал контролировал практически всю городскую инфраструктуру оттоманской столицы — Константинополя (водопровод, электричество, газ, склады, набережные и доки, а также, совместно с английскими партнерами, телефонную сеть). Франция владела концессиями на разработку полезных ископаемых во многих частях страны¹. Самой значительной была концессия на угольные копи Гераклеийского полуострова, где французская корпорация *Société de Heraclée* чувствовала себя полновластной хозяйкой (ей принадлежало 90% акций всех действующих шахт)². На французские деньги строился порт в городе Мерсина (Мерсин), а в 1914 году, незадолго до начала войны, Франция получила концессии на строительство портов на черноморском побережье в Инеболу, Эрегли, а также, совместно с Великобританией, в Самсуне и Трабзоне. Французские компании обладали концессиями на строительство многих железных дорог, преимущественно на побережье Черного моря. Французскому капиталу также принадлежала сеть железных дорог к северу от Смирны до Мраморного моря («Смирна—Кассаба и продолжения»). Общий объем французских капиталовложений (вместе

¹ Gontaut-Biron R. et Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924.

² Філіпенко Д.М. Турецько-французьки видности в період національно-визвольної війни в Туреччині (1918—1922). Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Київ, 1964. С. 8.

с займами) составлял от 3285 до 3500 млн франков (около 60% всех иностранных капиталовложений)¹. В частности, французскому капиталу принадлежало 62% иностранных капиталовложений в банковский сектор Турции, 46% вложений в железные дороги, 67% — в порты и набережные, 88% — в водопроводы, 100% — в угольные и рудные шахты и 62% — в прочие предприятия². В то же время в 1911 году на Францию приходилось лишь 13% внешней торговли Османской империи, то есть по этому показателю она уступала Великобритании и Австро-Венгрии (22% и 16% соответственно).

Однако собственно турецкие земли играли сравнительно периферийную роль в деятельности французских капиталистов³. Их наибольшая активность была сосредоточена в Сирии и Ливане, которые являлись главной сферой интересов Франции на Востоке. Вся городская инфраструктура крупнейшего порта региона — Бейрута — была создана в основном на французские деньги. Здесь располагались конторы французских банков и торговых компаний. Через Сирию проходила построенная французами и принадлежавшая французской группе железная дорога Райак—Алеппо. Французский капитал контролировал газ и электричество в городах Ливана и Сирии. Производство табака и торговля им в Османской империи было монополизировано французской компанией *Regie des Tabacs* с капиталом в 40 млн. франков. Франция экспортировала из Восточного Средиземноморья сельскохозяйственное сырье, в первую очередь хлопок, который рассматривался французскими коммерсантами как альтернатива зависимости от импорта из США. В руках французского капитала также полностью находилась скупка шелка-сырца — основного предмета экспорта из региона. Сирийские хлопок и шелк были основным сырьем для ткацких фабрик Лиона, куда они поступали через Бейрут и Марсель.

¹ Філіпенко Д.М. Указ. соч. С. 6.

² Fabre-Luce A. La crise des alliances. Essai sur les relations francobritanniques depuis la signature de la paix. (1919—1922). P., 1922. P. 60.

³ Полный список французских концессий в Анатолии и Константинополе см. в статье Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P., 1981. P. 143.

Некоторые французские политики мечтали о господстве над «Единой Сирией» (*La Syrie Inregrale*) от гор Тавра до аравийских пустынь¹. Самое сильное рвение в отстаивании политики французской экспансии в Сирии проявляли торговые палаты Парижа, Лиона и Марселя, а также клерикальные католические круги. Накануне и во время Первой мировой войны во Франции сформировалась неофициальная группа предпринимателей, церковных иерархов, политиков, журналистов и ученых, ставившая своей целью способствовать французской экспансии в Восточном Средиземноморье. Эту группу принято было называть «сирийской партией», которая была частью более широкой «колониальной партии». Эти названия не имели отношения к партийно-политической структуре Третьей республики. Среди сторонников «колониальной партии» можно было найти представителей значительной части политического спектра, исключая только «левую». Круг участников «колониальной партии» не был широким, но они вели активную пропаганду, созывали «научные» конгрессы, издавали книги и журналы (наиболее известный — *Bulletin d'Asie Française*) и пользовались большим влиянием. Активно действовали и несколько официальных организаций («Комитет защиты французских интересов на Востоке», «Восточный Комитет», «Комитет Французской Азии»). Их работа вполне вписывается в принятое в политологии понятие «группы давления». Наиболее видным деятелем «сирийской партии» и активным пропагандистом экспансии в Восточном Средиземноморье был известный журналист Робер де Кэ. Среди активных участников «колониальной партии» (как членов упомянутых организаций, так и просто сочувствующих) были такие известные политики, как Ж. Лейг, А. Мильеран, Г. Думер, Р. Пуанкаре. Во французском МИД эта «партия» имела таких влиятельных сторонников, как Ф. Бертело, Ф. Жорж-Пико, С. Пишон². Правда, Ж. Клемансо относился к планам экспансии на Востоке довольно прохладно.

К началу XX века Англия и Франция стали ощущать конкуренцию со стороны нового агрессивного соперника — **Германии**.

¹ Gontaut-Biron R. Comment la France c'est installée en Syrie (1918—1919). P., 1922. P. 27—28.

² Zamir M. The Formation of Modern Lebanon. L., 1985. P. 38—46; Khoury Ph.S. Syria and the French mandate. The Politics of Arab Nationalism. 1920—1945. L., 1987. P. 34.

Ее присутствие было заметно даже в районе Персидского залива, хотя, конечно, не настолько, чтобы серьезно угрожать позициям Англии. Положение могло сильно измениться в случае успеха строительства Багдадской железной дороги в соответствии с концессией, полученной Германией в 1902 году. Эта дорога должна была присоединиться к начатой англичанами, но затем купленной и достроенной немцами Анатолийской железной дороге, шедшей от Константинополя к подножию Тавра, и дойти через Сирию до Багдада, а затем до Басры. Строительство этой магистрали вызывало серьезное беспокойство в Лондоне. К 1914 году было построено только несколько разрозненных участков дороги. Большинство ее акций владел Deutsche Bank, хотя к финансированию привлекался также частный французский и английский капитал. Отрезок дороги между Багдадом и Басрой по специальному соглашению 1911 года должен был строиться при равном участии германского и английского капитала¹.

Германо-турецкие экономические связи во многом определялись осуществлением этих грандиозных проектов. Многие германские фирмы зарабатывали солидные прибыли на изготовлении рельсов, шпал и подвижного состава, а также на доставке их к месту назначения. К началу войны прямые капиталовложения Германии в турецкую экономику (без учета правительственных займов) составили 45% от общего объема иностранных инвестиций (доля Франции составила 25%, Великобритании — 16,9%)². Интересы Германии в финансовой сфере турецкой экономики были сравнительно скромными, хотя германский представитель и входил в Администрацию оттоманского долга. Наряду с «Дойче Банком» в Турции действовали «Дойче Палестинабанк» и «Дойче Ориентбанк», имевшие отделения во многих крупных городах империи. Во внешнеторговом обороте империи на Германию приходилось 9%, причем важнейшей статьёй германского экспорта в Турцию было оружие (в основном производства заводов Круппа).

Экономические интересы в Османской империи других стран были в предвоенный период менее значительны. Экономическое

¹ О Багдадской железной дороге см. напр. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под Солнцем». М., 1991. С. 42—92.

² Аноп А.Ф. Политика Англии в отношении Турции в 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1991. С. 33—34.

присутствие **США** было минимальным. Американские компании только вели переговоры на постройку железных дорог в Восточной Анатолии («концессия Честера») и лишь присматривались к нефтяным богатствам Месопотамии.

Италия проявляла заинтересованность в угольных копях Гераклейского полуострова, что вызывало противоречия с Францией, а с 1913 года усиленно добывалась от турецкого правительства концессии на железнодорожное и портовое строительство в юго-западной части Анатолии, в районе города Адалии (Антальи). Это вызвало противоречия с другими заинтересованными державами. Их частично удалось уладить после заключения соглашения с английской группой в мае 1914 года¹. Доля Италии во внешнеторговом обороте Османской империи составляла в 1911 году 8,5%.

Другим претендентом на влияние в Юго-Западной Анатолии стала **Австро-Венгрия**, чьи интересы до Балканских войн были связаны почти исключительно с европейской Турцией. Австрийская доля в турецкой внешней торговле составляла 16% (например, австрийская Богемия была одним из поставщиков знаменитых турецких фесок).

Россия, сама нуждавшаяся в иностранных инвестициях, не делала практически никаких вложений в турецкую экономику. В течение долгого времени она противодействовала попыткам других держав начать железнодорожное строительство в турецком Причерноморье и Восточной Анатолии, считая эти территории своей сферой влияния, но в 1911 году согласилась на французскую программу железнодорожного строительства в этом районе. Единственным русским коммерческим предприятием, успешно работавшим в Турции, было Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), занимавшееся каботажными перевозками вдоль южного берега Черного моря².

¹ Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti. Vol. 1. Roma, 1929. P. 463. (Il articolo «Adalia»).

² Данные о капиталовложениях европейских стран в экономику Османской империи (везде, где нет сноски на иное) приведены по книгам: The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L., 1984., Gontaut-Biron R. et Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924, Сравнительный анализ объемов капиталовложений европейских стран в османскую экономику см. в кн. Thobie J. Interêts et imperialismisme français dans l'Empire Ottoman (1895-1914). P., 1977. P. 476—482.

В 1911—1914 годах в результате ряда соглашений между великими державами по железнодорожным и другим экономическим вопросам Османская империя была фактически поделена на «сферы влияния», в основном охватывавшие территории, прилегавшие к железным дорогам, построенным, строившимся или проектировавшимся той или иной державой. Таким образом, во французскую «сферу» вошла Северная и Восточная Анатолия между городами Эрегели, Трабзон и Ван, регион к Северу от Смирны до Мраморного моря, а также все Восточное Средиземноморье и Сирия. Германская «сфера» тянулась вдоль Багдадской железной дороги от Константинополя до Багдада. Сфера британских интересов начиналась от Багдада и тянулась до Персидского залива и далее охватывала его западное побережье, а также включала небольшой район вдоль железной дороги Смирна—Айдын. Италия стремилась превратить в свою «сферу» район Адалии. Россия зарезервировала за собой лишь небольшую полосу вдоль границы¹. В несколько особом положении находилась Палестина, которая так и не стала преимущественной сферой интересов ни одной из европейских стран. Уникальное стратегическое и религиозно-историческое значение Палестины делало ее объектом внимания всех великих держав, где старались закрепиться все, и никто не хотел уступить.

«Моральные интересы»

Наряду с экономической слабостью турецкого государства этническая и религиозная пестрота населения Османской империи предоставляла великим державам широчайшие возможности для вмешательства во внутренние дела самой близкой к Европе азиатской страны. Создание устойчивых отношений покровительства и лояльности с теми или иными этническими и конфессиональными группами и формирование так называемой *клиентелы* и составляло «моральные интересы» великих держав на Ближнем Востоке. Этноконфессиональная ситуация в стране открывала для этого широкое поле деятельности. К 1914 году помимо турок и арабов здесь жили: курды (район вокруг озера Ван, а также северная Месопотамия); армяне (территория от русской

¹ Thobie J. Op. cit. P., 1977. P. 704—715, 787.

границы до озера Ван, а также Киликия — область к югу от гор Тавра примерно до нынешней турецко-сирийской границы); ассирийцы (к югу от озера Ван); греки (в Константинополе, Восточной Фракии, на берегу Эгейского моря с городом Смирна, в Южном Причерноморье); евреи (в основном в крупных городах). Не менее сложной была конфессиональная ситуация. Турки, большинство арабов и часть курдов были мусульманами-суннитами. Среди арабов было много шиитов различных толков и направлений, живших на юге Месопотамии, а также вдоль побережья Средиземного моря (в том числе «крайние» секты друзов в Ливане и в области Хауран к югу и юго-востоку от Дамаска и алавитов вокруг города Латакия). Часть арабов исповедовала христианство разных толков (православные, монофизиты, католики «восточных обрядов» — мелькиты, марониты и др.), причем маронитская церковь пользовалась большим влиянием в Горном Ливане. Среди курдов имелись шииты (секта али-илахов), а также йезиды (древняя синкретическая религия). Армяне делились на монофизитов (армяно-григориане) и армяно-католиков; ассирийцы — на несториан и ассиро-католиков («халдеи»); почти все греки были православными. Представители разных народов и религий часто жили чересполосно, и четкие этноконфессиональные границы отсутствовали. Установление довоенной численности той или иной группы в настоящее время практически невозможно из-за частых фальсификаций статистических данных и драматических событий 1914—1923 годов.

По мере проникновения в Османскую империю европейских идей национализма учащались волнения на национальной почве. Особую остроту межнациональным отношениям придавало преобладание представителей немусульманских народов (греков, армян, арабов-христиан, евреев) среди торгово-ростовщической и компрадорской буржуазии. Турецкие власти, весьма терпимые к лояльным подданным империи любой национальности и религии, становились беспощадными палачами, если те проявляли стремление к самостоятельности. Ни одно национальное движение не могло достичь успеха собственными силами, и их судьба всегда зависела от действий великих держав Европы. Только при их поддержке (дипломатической, финансовой или военной) такие движения имели шанс на успех. Это позволяло иностранным

держavam усиливать свое влияние в Турции, то поддерживая Высокую Порту в ее борьбе с сепаратизмом, то поощряя то или иное освободительное движение. Центробежные тенденции усилились после младотурецкой революции 1908 года. С одной стороны, падение режима личной власти султана и восстановление конституции на некоторое время дали возможность лидерам национальных движений открыто высказывать свои взгляды и создавать свои организации. Но быстрая эволюция младотурок в сторону пантюркизма и репрессивных методов управления неизбежно вела к росту недовольства и усилению сепаратизма. С началом войны правительство резко усилило репрессии против любых национальных устремлений нетурецких народов.

Франция долго брала на себя роль защитника интересов католической церкви на Востоке. Постепенно сложилась целая система французского «католического протектората». Его источником обычно объявлялись туманные формулировки капитуляционных актов XVII и XVIII веков, но гораздо большую роль играла неписаная традиция, которую молчаливо признавали турецкие власти. «Католический протекторат» выражался в консульском покровительстве католическим церковным и благотворительным организациям независимо от национальной принадлежности их членов. «Моральные интересы» Франции концентрировались преимущественно в Восточном Средиземноморье. В Палестине Франция на основе капитуляционных актов и весьма туманного намека в Берлинском трактате 1878 года претендовала на особое право «защиты Святых мест». Посредническая роль французских консулов в отношениях католических организаций с турецкими властями и с православными учреждениями (которые «защищал» русский консул) здесь была особенно важна. Споры вокруг «Святых мест» не утихали десятилетиями. Внешним выражением «католического протектората» были особые «литургические почести», которые воздавались католическим клиром «Святой земли» французскому консулу (особое место на главных богослужениях, специальные «консульские мессы» и т. п.). Другие державы (особенно Германия и Италия) оспаривали законность французского «протектората». В Леванте действовали профранцузские католические ордена — капуцины, доминиканцы, лазариты, кармелиты, иезуиты. При католических миссиях было создано множество

госпиталей и сиротских приютов. Французы фактически создали в империи собственную систему образования, параллельную османской. Во французских школах только в Сирии к 1914 году обучалось 58 000 учеников¹. Венцом этой системы был бейрутский Университет Сен-Жозеф, патронируемый иезуитами. Католические миссионеры получали поддержку французского государства даже после принятия антиклерикальных законов в самой Франции. Многие французские компании, имевшие здесь представительства и приобретающие концессии, набирали рабочих и служащих из местного населения. В портовых городах Османской империи жили так называемые левантинцы — выходцы из Европы, чьи коммерческие интересы сделали постоянными жителями Леванта. К этой категории принадлежали и компрадорские слои местного населения. Авторитет французской культуры среди образованных слоев был так высок, что даже на германской Багдадской железной дороге служащие среднего звена использовали для делового общения французский язык². Однако все французские учреждения в Османской империи с началом войны были закрыты, и после разгрома Турции многое пришлось восстанавливать заново.

Франция располагала наиболее обширной клиентелой. Ее самой надежной опорой, по крайней мере со времен межобщинной войны 1860 года, была община ливанских маронитов. Франция также имела большое влияние на католиков других «восточных обрядов» — мелькитского (византийского), сирийского и армянского (хотя мелькиты также пользовались особым покровительством Австрии)³. В начале войны, однако, престиж Франции в Леванте был сильно поколеблен, когда по недосмотру французского консула в Бейруте Ф. Жорж-Пико в руки турецких властей попали архивы консульства⁴. На основании этих документов многие «друзья Франции» из числа местных жителей были казнены.

¹ Ранчинский В.П. Христианские общины Сирии накануне установления над ней французского мандата // Религия, устроения, идеология в истории. Брянск, 1996. С. 44.

² The Great Powers ... P. 121.

³ Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982. С. 50—51.

⁴ Brecher F.W. French Policy toward the Levant. 1914—1918 // Middle Eastern Studies. Vol. 29. No. 4. October, 1993. P. 655.

«Просветительская» деятельность **Великобритании** в Леванте ограничилась несколькими школами и протестантскими миссиями, а ее традиционной клиентелой считались друзья (тоже после 1860 года)¹. Но основные усилия англичан были направлены на установление контактов с арабскими лидерами, представлявшими суннитское большинство населения страны. Особое внимание уделялось арабским шейхам Аравийского полуострова, имевшего большое стратегическое значение ввиду его близости к Египту и Персидскому заливу. Во время войны эти связи в полной мере были использованы Великобританией.

Главным конкурентом Франции в «гуманитарной» сфере были **Соединенные Штаты Америки**. Они опирались на протестантские миссии и Американский Красный Крест. Американская система образования также включала учебные заведения всех уровней. Ее высшим звеном был Сирийский протестантский колледж в Бейруте. Американские колледжи существовали также в Константинополе и Смирне. Нейтралитет, который США соблюдали до 1917 года, и неучастие в войне против Турции позволили им сохранить к моменту перемирия значительное присутствие в регионе.

Германия также имела в Османской империи свою сеть школ, больниц и других благотворительных учреждений, значительно, правда, уступавшую французской и американской. Ее «моральное влияние» строилось иначе и было нацелено, в первую очередь, на военно-политическую верхушку младотурецкого режима. В военных училищах Турции преподавание велось по германским стандартам. «Германофилами» были фактические руководители страны — Энвер-паша и Таалат-паша. При их поддержке в Стамбуле с 1909 года активно работала германская военная миссия, занимавшаяся реорганизацией турецкой армии. С 1913 года ее возглавлял генерал Лиман фон Сандерс. **Австро-Венгрия**, ближайшая союзница Германии, как уже говорилось, имела в Леванте небольшую «клиентелу» в лице мелькитов.

Италия в своей политике могла опираться на многочисленных «левантийцев» итальянского происхождения (около 18 000 человек, в основном в Константинополе, Смирне и Сирии), а также на помощь «проитальянского» ордена францисканцев. Италия имела

¹ Родионов М.А. Указ. соч. С. 50—51.

свою сеть школ в Леванте (по итальянским данным — 15 600 учеников в 1904—1905 годах) и пользовалась с 1905 года поддержкой Ватикана в своем соперничестве с Францией в деле защиты «Святых мест»¹.

«Моральные интересы» **России** после Балканских войн были сконцентрированы в Палестине и отчасти в Сирии, где она «защищала» права православных церквей и имела небольшую сеть школ и больниц. Этими вопросами ведали Русская духовная миссия, учрежденная в 1847 году, и Императорское православное палестинское общество, созданное в 1882 году. Россия имела определенное влияние на армянское и ассирийское население Восточной Анатолии. С началом войны вся деятельность России в Турции была, разумеется, свернута, а после революции советское правительство стало строить свои отношения с Турцией на совершенно новой основе.

Народы Османской империи в разной степени проявляли стремление к независимости. **Арабские страны** фактически пользовались широкой автономией, не закрепленной, однако, официально. Среди бедуинов Аравии реальной властью обладали племенные шейхи, а среди оседлого населения — так называемые нотабли — богатые наследственные землевладельцы, постоянно жившие в городах за счет арендной платы со своих земель². Только Горный Ливан после кровавых межрелигиозных столкновений 1840—1860 годов по настоянию великих держав (прежде всего Франции) получил автономный статус и вскоре стал одним из самых богатых районов Ближнего Востока. Его губернатором был христианин, но не ливанец (чаще всего армянин), а выборный орган — Административный совет — формировался по профессиональному признаку с предоставлением преимущества маронитам. В автономный ливанский санджак не вошли крупные приморские города — Бейрут, Триполи, Тир, Сидон, а также плодородная долина Бекаа, поэтому расширение границ стало для ливанцев насущной проблемой. Среди христиан Горного Ливана

¹ The Great Powers ... P. 54—55.

² О роли «нотаблей» в сирийском обществе см. Khoury Ph. S. *Urban Notables and Arab Nationalism. The Politics of Damascus, 1860—1920*. Cambridge, 1983. Их характеристику как социального слоя см. *Ibid.* P. 11, 28.